

А. А. Ончукова-Булавкина

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

С Владимиром Леонтьевичем Комаровым я познакомилась в 1907 г., когда молодой учительницей была принята на Высшие женские естественнонаучные курсы Лохвицкой-Скалон для пополнения гимназического образования.

Заинтересовавшись ботаникой еще в гимназии, я собрала большой гербарий и определила его, как сумела, по атласу Гофмана и Монтеверде.

Первую лекцию по ботанике я ждала с нетерпением тем более, что Владимиру Леонтьевичу предшествовала слава прекрасного лектора. Ожидания мои оправдались вполне, шумные рукоплескания закончили его чтение. После каждой лекции Владимир Леонтьевич обычно спрашивал: «Нет ли каких вопросов?» — что было очень ценно для интересовавшихся предметом (рисунок).

В первый год мы изучали анатомию растений с микроскопом. Занятия вели его ассистенты — В. А. Дубянский и В. П. Савич. Часто помогала безвозмездно Е. А. Дубянская, сестра ассистента. Владимир Леонтьевич время от времени навещал нас.



Группа молодых ботаников на Высших женских естественнонаучных курсах Лохвицкой-Скалон в Петербурге с профессором В. Л. Комаровым (1912–1913)

Ончукова-Булавкина Анна Александровна (1882–1947) — канд. биол. наук, ученица В. Л. Комарова. Работала на кафедре ботаники с 1918 по 1935 г.

© А. А. Ончукова-Булавкина, 2013

С наступлением весны профессор проводил экскурсии за городом. И какие интересные же они были! Он вел их не на темы, а рассказывал обо всем, встречавшемся на пути. Это было то, что обычно требуется детям, и потому для меня, как учительницы, было особенно ценно.

На II курсе мы проходили споровые растения. В. А. Дубянский пригласил меня в качестве практиканта помогать ему вести практические занятия по анатомии растений на I курсе. Честь была большая, знания тоже приобретались в большей мере, чем при слушании лекций и сдаче экзаменов; отказаться я не решилась.

По своему обыкновению заходит однажды на практические занятия Владимир Леонтьевич и, завидя меня, спрашивает: «Милостивая государыня, Вы что здесь делаете?» «Помогаю Владимиру Андреевичу». «Может быть, не откажете и мне помочь на демонстрациях?» Демонстрации происходили после лекций на I курсе. Выставлялось около 30 микроскопов с тонко срезанными препаратами и демонстрировалось то, что Владимир Леонтьевич читал на лекции. Работа была очень кропотливая, трудоемкая, отнимавшая много времени. Ею руководил ассистент В. П. Мальчевский.

Для меня было ясно, что эта работа отведет меня от сдачи экзаменов по курсу на значительный отрезок времени, но как отказать профессору, поскольку не отказалась помогать ассистенту. Пришлось и здесь дать согласие. Для меня началось тяжелое время, о чем Владимир Леонтьевич не догадывался. Сдача личных экзаменов стала, конечно, отставать.

На III курсе В. Л. Комаров предложил мне научную работу. Я с удовольствием согласилась, но, к сожалению, данную тему нельзя было закончить на мертвом материале, а живого полностью не было. Владимир Леонтьевич решил установить системы в роде фикус по строению цинетолитов, но последние хороши были только в живых листьях, в гербарных же давали только фигуры растворения.

На III курсе мы проходили цветковые растения, и здесь я чувствовала себя хозяйкой.

В. Л. Комаров создал уже небольшой кружок студенток, частью имевших свои сборы, частью просто интересовавшихся растениями, и мне поручено было руководство этим кружком, хотя он всегда бывал тут же.

Уже со II курса я начала деятельно помогать Владимиру Леонтьевичу в устройстве ботанического кабинета, главным образом, в приведении в порядок гербариев цветковых растений. Часто до 10–11 вечера засиживались мы за этим занятием. К III курсу у нас оказался внушительный гербарий. Владимир Леонтьевич так увлекся, что совершенно забывал, что я не наемная помощница, а добровольная. Обычно я уже работала в кабинете, когда он приходил, но однажды я запоздала и, войдя в кабинет, увидела его нахмуренным. Он вынул часы и показал мне время (запоздание было на полчаса).

В 1911 г., получив через посредство В. Л. Комарова небольшую субсидию от курсов, я уехала весной в бывший Изюмский уезд Харьковской губернии. В первый раз в жизни я встретила раннее пробуждение природы, да еще с новыми для меня растениями (меловыми, черноземной степи, соснового бора на песках, полевыми, в старицах Донца, луговыми в пойме). Я считаю эту весну самой счастливой в моей жизни. Здесь я собрала большой хороший гербарий, формалиновый материал, материал, засушенный в песке. На курсы было отправлено 12 больших фанерных ящиков со сборами.

В 1912 г. я провела лето на Южном Урале, в Катав-Ивановском заводе и его окрестностях. Владимир Леонтьевич снабдил меня своей папкой для сбора растений в кожаном

переплете и фотоаппаратом. Окружающие меня инженеры, строители железнодорожной ветки немало издевались над моим «чемоданом», но я осталась папкой вполне довольна. Здесь тоже был собран гербарий.

В 1913 г. В. Л. Комаров предложил мне принять участие в Ханхайской экспедиции на Дальний Восток, где давали самостоятельный участок. Было и заманчиво, и страшно братья за работу в неизвестной местности. Я попросила Владимира Леонтьевича познакомить меня с литературой. Он принес Пржевальского. Я прочитала и, возвращая книгу, говорю: «Не поеду, Владимир Леонтьевич, страшно: тигры, змеи, кабаны...» Владимир Леонтьевич засмеялся и успокоил меня. Действительно, два раза встречалась я с тигром, но не лицом к лицу. Раз я слышала в лесу противные звуки тигрицы, вероятно, развлекавшей своих детенышей, и в редкую ночь не таскавшей животных из расположенной вблизи корейской деревни. В другой раз я встретила свежий след тигра на плато Сихотта-Амин, с которого стекал Сучан. В заросли тростника на песчаном пляже обозначались лапы животного с выдавленной водой, по-видимому, только что прошедшего на водопой. Змей в неприятном для меня виде видела дважды: одну над головой в лесу, свесившуюся с дерева, и другую над собой, когда вела запись. Последняя в угрожающей позе готова была прыгнуть на меня, я едва успела отбежать. Следы кабанов встречала многократно.

Снарядившись в Никольске-Уссурийске, нынешнем Ворошиловске, мы трое (В. Л. Комаров, В. А. Петров и я) разъехались в разные стороны. Владимир Леонтьевич, потеряв меня из виду, осенью очень волновался. Он ждал меня во Владивостоке, а я поняла его, уезжая, что мы встретимся на месте снаряжения.

В 1917 г. Владимир Леонтьевич вновь предложил мне принять участие в экспедиции вдоль линии только что отстроенной Мурманской железной дороги. Нас было опять трое: В. Л. Комаров, В. А. Петров и я. На станции Сорока нас всех поодиночке выследили и арестовали, приняв за шпионов по наущению рабочих, ехавших с нами в соседнем вагоне. Наши выходы из вагона во время остановок внушили им подозрение, потому что В. Л. Комаров экзаменовал нас. Мы называли растения на непонятном для них языке. Владимиру Леонтьевичу пришлось сходить в теплушку и принести документы. После этого комендант станции, умный, симпатичный человек, вышел к толпе и объяснил, для чего мы здесь. Но толпа еще долго волновалась, готовая растерзать нас. От станции Сорока мы уже работали без Владимира Леонтьевича.

В 1917 г. В. Л. Комаров пригласил меня служить в Ботаническом саду в Ленинграде, а с 1918 г. провел ассистентом в университете, где я работала до апреля 1935 г. включительно.

Владимир Леонтьевич отличался большой терпимостью, с ним было легко работать. Очень добрый, он откликался на каждую просьбу, если мог ее выполнить, и сердился, если это не удавалось. Многие студентки получали от него работу по наклейке гербария, по рисованию стальных таблиц. За работу Владимир Леонтьевич платил из личных средств.

Будучи крайним неврастеником из-за чрезвычайной усталости, Владимир Леонтьевич иногда проделывал анекдотические вещи. Однажды фининспектор потребовал от него крупную сумму для уплаты налогов, когда Владимир Леонтьевич, по его мнению, уплатил все, что следовало. Придя к инспектору и доказывая ему, что платить нечего, но не будучи в силах убедить его в своей правоте, рассердился, сорвал с себя пиджак и бросая его инспектору, сказал: «Раздевайте!» Этот поступок произвел на того

такое впечатление, что дело было пересмотрено, и за Владимиром Леонтьевичем оказалось всего... 3 рубля.

В другой раз он шел на лекцию, по своему обыкновению обдумывал ее в пути. У ворот Ботанического сада, в котором он жил, стоял новый сторож, не знающий Владимира Леонтьевича. Увидев у профессора полный портфель книг, он хотел его остановить, но Владимир Леонтьевич не обращал на сторожа внимания. Тот побежал за ним и вдруг... услышал собачий лай. Это так поразило сторожа, что он отскочил, а Владимир Леонтьевич как ни в чем не бывало продолжал себе путь к трамваю.

Профессора очень любили технические служащие за его щедрость. 27 лет я проработала с Владимиром Леонтьевичем и сохранила о нем светлые воспоминания.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.